

Татьяна Б. Ильинская

(Военная академия материально-технического обеспечения, Санкт-Петербург, Россия)

Беспоповицкий брак в интерпретации Павла Прусского и Н.С. Лескова (Старообрядческое зарубежье как область религиозной свободы)

Pavel Pruski's and N.S. Leskov's interpretation of an Old Believer marriage (Old Believer diaspora as the space of religious freedom)

Резюме: Статья представляет собой мотивный анализ лесковской публицистики, посвященной проповеди Павла Прусского (Вилькомир, Пиш). Используя такие документы эпохи, как записки Павла Прусского и его сподвижника Прокофия, приходим к выводу о первостепенной важности «заграничного» фактора для лесковской трактовки деятельности Павла.

Ключевые слова: Лесков, Павел Прусский (Леднев), старообрядческая заграница, беспоповцы-бракоборы, религиозная эмиграция, старообрядческая мемуаристика

Summary: The article is an analysis of motifs of Leskov's journalism devoted to the sermons of Paul Prusky (Vilkomir, Pisz). Using such documents as Paul's and his associate Prokofij's notes, we conclude about the paramount importance of "foreign" factor for Leskov's interpretation of Paul's activities.

Key words: Leskov, Paul Prusky (Lednev), Old Believers abroad, bespopovtsy-marriage opponents, religious emigration, Old Believer memoirism

Прежде всего необходимо оговорить, что понятия «старообрядческая заграница», «старообрядческое зарубежье» мы используем не столько в суверенно-политическом смысле, сколько с позиций интуитивных представлений о «родной» и «чужой» стороне. И Царство Польское, и Литва, и Лифляндия фигурировали в просмотренных нами документах эпохи как чужбина, и в то же время как прибежище от религиозных гонений. Для Лескова фактор «нерусскости» этих земель также имел существенное значение.

Лесковская публицистика о деятельности Павла Прусского представляет собой важный материал для исследователя старообрядческого зарубежья в силу следующих обстоятельств.

Во-первых, Лесков – известный знаток старообрядчества. Жизнь писателя была разнообразно связана со староверием – с детства, проведенного на хуторе, со всех сторон окруженного старообрядческими селениями. За этим последовали годы странствий по России: «Три года провел в непрерывных разъездах [...] беспрестанно сталкиваясь с различными людьми, между которыми было очень много староверов» (Лесков 1996: 562). К личным обширным знакомствам в старообрядческой среде прибавились профессиональные занятия староверием – занятия и чиновника, и исследователя, изучившего основополагающие труды по старообрядчеству,

записывавшего фольклор староверов. Лесков работал в рижском архиве, где просмотрел множество документов по положению старообрядцев на западной окраине, в итоге подготовив обширный труд *О раскольниках города Риги*. Следствием всего этого был авторитет Лескова в мире староверия, и к нему приходили на дом для обсуждения насущных вопросов «начетчики со своими стаканами» (Лесков 1996: 575).

Во-вторых, свидетельство Лескова важно благодаря его личному знакомству с окружением Павла Прусского. Одним из примеров тому может служить следующий мемуарный фрагмент: «Я имел случай познакомиться с иноком Прокофием из павловского скита, и он в числе многих рассказов о житье-бытье наших староверных отшельников из Пруссии рассказывал, что живут они с Павлом в большой нужде, одним вспомоществованием из России, и из того Павел большую часть расходует на свои издания» (Лесков 1996: 557).

В-третьих, Лесков, с его чувством простонародного слова, запечатлел живые сценки, а главное – голоса старообрядчества. Художественные очерки Лескова, где важное место занимают рассказы старообрядцев, могут отчасти восприниматься как полевые экспедиционные записи.

Таким образом, статьи Лескова позволяют проследить процесс пропаганды воззрений Павла Прусского на брачный вопрос – пропаганды, которая далеко не случайно велась из-за границы. Как известно, инок Павел (Леднев) в 1852-1867 гг. был настоятелем Войновского монастыря (Восточная Пруссия, ныне Польша, д. Войново на Мазурских озерах). В середине 1850-х гг. он изменил федосеевским воззрениям на брак и стал допускать новоженцев на исповедь и общее моление, чем вызвал негодование наставников Преображенского кладбища в Москве. В 1868 г. основал в Иоханнесбурге (ныне г. Пищ) типографию, где печатались труды в защиту бессвященнословного брака (т.е. брака, совершаемого без священника).

До деятельности Павла Прусского в проблеме беспоповицкого брака было два слоя:

1) Эти невенчанные браки беспоповцев были, с юридической точки зрения, недействительны и зачастую фигурировали как «блудный брак». «Страшную, разрушительную трагедию для старообрядцев несло непризнание правительством их браков, – пишет историк староверия. – Сколько вследствие сего было семейных драм, сколько имущественных ссор, наследственных дряг и т. п.» (Мельников 1999: 268).

2) Среди самих беспоповцев-федосеевцев было сугубо отрицательное отношение к возможности брака в современности. Такое решение брачного вопроса и было отправной точкой для деятельности Павла Прусского.

Неблагополучие ситуации подтверждается документами той эпохи. Так, в 1817 г. поморец Степан Артемьев доносил духовному министру князю А.Н.Голицыну о «безобразиях, какие происходят у федосеевцев вследствие отрицания брака» (б/п 1875: 7).

Свидетельство Лескова помогает увидеть историческую ситуацию уже в живых голосах и картинах. В очерке *Инок Павел и его книги* (1864), предваряя свой рассказ о брачной «реформе» Павла, Лесков делает зарисовки, лейтмотивом которых становится неблагополучие в отношениях мужчины и женщины среди федосеевцев:

«федосеевцы живут без браков, в простой любовной связи, потому что „рука освященная рассыпалась и антихрист уже царствует в мире нечувственно” (то есть невидимо, невещественно). А как и любовные связи у них происходят под сурдинкой (любовница называется „посестрием”), связь с нею скрывается, и не только дети, являющиеся последствием этой связи, часто бросаются на произвол судьбы, но и само „посестрие”, насытив алчную чувственность своего побратима, весьма нередко безнаказанно оставляется им под самым ничтожным предлогом. [...] Естественно, что федосеевские женщины, находящиеся целую жизнь в таком эмансипированном положении, в котором уж нет оснований жаловаться на стеснение, чинимое обязательными отношениями, целый век дрожмя дрожат за свой завтрашний день. Они не смеют назвать детьми своих детей, не смеют даже указать виновника рождения этих детей, чтобы его не отлучили от молитвы, и страшно завидуют положению женщин, живущих в браке» (Лесков 1996: 545).

Подобные рассуждения «от автора» дополняются у Лескова монологами самих старообрядцев. Так, рассказывая о поразившем его дорожном случае, когда в старообрядческой деревне он увидел брошенную на произвол судьбы роженицу, Лесков дает слово пожилой староверке:

— А ты лучше вот что, — баба внушительно ударила меня рукою по колену, — ты старых людей послушай, что старые люди говорят. Они, миленький, больше нашего с тобой знают-то; жисть-то они ведут не нашу, что ни ступил, то согрешил. У нас теперь, я тебе скажу, есть духовник, старый, древний человек, отец Сигней. Далеко таки он живет, под сокрытием, знаешь, от псов-то от борзых, а только часто к нам наезжает. Так вот его послушай. Он все это тебе может рассказать. Ты вот говоришь, что хворых баб бросаем. Мы хворых не бросаем, а это скверна-то, скверна-то рожденная, так ее омыть нечем. В старину, как имели мы священство, не бросали, а теперь священства негде взять, — на небе оно, священство-то наше: венчать некому и молитвою от скверны рожденной очистить некому. Вот почему, голубь сизый, и обегаем скверны-то этой и не прикасаемся к бабе-то, пока она в скверне. На все, милый, свой закон есть: старики тоже не с ветру уставляли. [...] Везде так, везде. Ты и не спорь. Скрозь так по селам. Точно, не хочу спорить, может быть, и есть такие, что не блюдутся, где наставник плох, или новшества тоже зашли, ну а у нас ни Боже мой! У нас насчет этого строго (Лесков 1996: 567).

Приведенный фрагмент демонстрирует тот религиозный барьер, который существовал в сознании старообрядца и не позволял ему оказать помощь женщине, мучающейся в родах. «Сердце-то мое, может, туда тоже рвется [...] да закон, закон у нас такой», — в этих словах Лесков запечатлел внутренний конфликт между сочувствием и страхом перед осквернением — конфликт, присущий мировоззрению старообрядцев-федосеевцев.

Религиозные расхождения в староверии («раскол в расколе» в формулировке Лескова) переданы в диалогической форме и воссоздают весь накал «богословского» диспута, слышанного писателем в Риге:

«А вы на крылус женатых зачем пущаете? — среда паузы спрашивает поморца рижанин, Абрам Нефедьев.

— Ну так что ж!

— Вы и уставщика женатого примете.

— Не все равно разве, — и очень примем. Сделай милость.

— Фу ты мерзость! — восклицает рижанин.

— Отчего так мерзость?

— Мерзость!

— Да отчего мерзость? Вы доведите это мне по писанию.

— Мерзость! Лучше пусть Бог знает что. — Рижский раскольник поднялся, выпрямился во весь свой рост, закрыл рукою глаза и, подумав секунду, произнес торжественным тоном: — Лучше не хочу видеть своей моленной, лучше хочу век ее не видать и пропадать как собака, но пусть она не сквернится молитвой женатых. Променял Бога на жену, так не молись с рабом, блюдущим веру. Благодарю Бога, что еще видеть молящихся удостоен.

— А за углом хоть пять имей?

— Хоть десять. На то есть покаяние.» (Лесков 1996: 579).

Эти подробно выписанные сцены брачного неблагополучия в федосеевской среде готовят почву, чтобы показать роль Павла Прусского в оздоровлении ситуации: «А Павел-то хорошо, во сто раз лучше всех нас знает эти нравы» (Лесков 1996: 580), — утверждает писатель, подчеркивая значение биографических обстоятельств для формирования идей Павла, который, еще в раннем детстве, наглядился на слезы матери и страдания других женщин в беспоповской среде.

Какие акценты расставляет Лесков, воссоздавая попытки Павла Прусского распространить свое гуманное учение о браке?

Прежде всего Лесков постоянно подчеркивает роль старообрядческого зарубежья, которое дает возможность для печатания и распространения книг инока Павла.

Во-первых, по Лескову, старообрядческая заграница — это место относительной религиозной свободы. Так, рижская община — идеал «желанной свободы» веры (Лесков 1996: 384). Если в России исповедание староверия вменяется в религиозное преступление, то «в Лифляндии со стороны гражданского начальства не было заявлено особенно ревностного содействия духовенству к искоренению раскола» (Лесков 1996: 396). Отдаленность от российских губерний и наличие иных религиозных традиций, по Лескову, становится благом для осуществления свободы совести: «Одна рижская община, благодаря своему отдаленному положению в Остзейском крае [...] сохранила до сих пор свое отдельное хозяйственное самоуправление...» (Лесков 1996: 386).

Во-вторых, старообрядческая заграница у Лескова – это место пристанища для изгнанников: «Гонимые своими православными соплеменниками, и эти раскольники скорее обращались к немцам, более полагаясь на их лютеранский индифферентизм, чем на веротерпимость русского православия» (Лесков 1996: 409). Таким образом, заграничные старообрядцы, по Лескову, – это изгнанники, что придает им черты библейского гонимого народа.

Ввиду такого двойного видения старообрядческого зарубежья деятельность Павла также имеет двойную подсветку.

С одной стороны, его книги, разъясняющие новый взгляд на брак, – это книги, в России запрещенные, незаконно привезенные из-за границы. Так, в очерке *О раскольниках г. Риги* Лесков пишет, что псковский старообрядец Хмелинский ему «подарил два томика сочинений Павла. Эти две книжки, напечатанные в Пруссии и привезенные контрабандою в Россию, были для меня дорогим приобретением. Они дали мне возможность близко познакомиться с замечательною личностью Павла и духом его учения» (Лесков 1996: 391). В очерке *Инок Павел и его книги* речь идет о том же: «Между книжным хламом, состоящим из груды всяких букварей, цветничков, псалтырей, часословов и проч., я нашел во Пскове три, достойные замечания, книжки потаенной или, лучше сказать, просто заграничной церковнославянской печати. Это старая книга страстей Христовых [...] и два тома сочинений инока Павла» (Лесков 1996: 511). «Книжки, напечатанные в Пруссии и привезенные контрабандою в Россию, книжки потаенной или, лучше сказать, просто заграничной церковнославянской печати» – так Лесков обозначает «закордонный» характер бытовавших в России книг инока Павла. Слово «потаенная» применительно к литературе в России с давних пор соотносится с понятиями «свободная», «не стесненная официальными запретами».

С другой стороны, жизнь Павла в Польше предстает в драматических тонах разлуки с родиной. В изображении деятельности Павла важную роль играет лексика изгнанничества. «Эмигрант Павел», «*expatrié*, анафема московский, анафема вилькомирский и опять *expatrié*», «эмигрировавший инок Павел» (Лесков 1996: 390,506).

Причем изгнанничество становится двойным. Не только в среде российских староверов Павел оказывается отщепенцем, но и живущие в Польше старообрядцы его также изгоняют за критику отеческих верований. В Польше Павел ощущал не только вражду московских единоверцев, но зачастую не находил поддержки и в своей общине: «[...] оскорбленный в многих общинах польского края и особенно в Вилькомире, где ему не хотели дать крова и приюта, он стал очень осторожен [...]» (Лесков 1996: 510).

Таким образом, у Лескова старообрядческая заграница предстает как, с одной стороны, место где возможна свобода совести, а с другой – нетерпимость и фанатизм староверов и там остаются в силе.

Публицистика Лескова, посвященная беспоповщицкому браку, уделяет достаточно места тактике Павла:

«Впоследствии я узнал, что бедный проповедник нередко заставляет себя делать многие уступки своим ученикам, любящим запреты, устанавливаемые в интересах веры [...] он стал очень осторожен и, опровергая своим ученикам ту или другую нелепость, кажется, всякий раз шепчет: „Много еще имам глаголати вам, но не можете ныне носить”. Он очевидно потворствует фанатизму, чтобы не потерять всякого влияния и не прослыть окончательным еретиком, как случилось с составителями последнего примирительного московского соборного послания. Приводя своих учеников к нравственной жизни с одной женщиной и к столь же нравственной заботе о детях, происшедших от этого „союза любви”, заставляя их уважать заботы человека о семье, а не отлучать за них и растолковывая им простой и прямой смысл многих писаний, о которых мы тоже с ним вместе потолкуем с читателями, он уж позволяет им дурачиться, зная, что вросшее годами сразу из лба не выковырнешь» (Лесков 1996: 510).

Художественные очерки Лескова, еще раз подчеркнем, вполне заслуживают стать материалом для исследователя старообрядчества, и подтверждением тому служат записи самого инока Павла Прусского и его сподвижника Прокофия, который так передает первые годы жительства в Польше:

«В первые годы нашего в Пруссии жительства мы принадлежали к безбрачному федосеевскому согласию, женатых не принимали на совокупное с нами моление, не допускали сообщения с ними в пище и питии. Неподалеку от нашего монастыря находилось несколько Русских деревень, тоже безбрачного федосеевского согласия: в этих деревнях были две федосеевские молельни. Возбранение брачной жизни в миру, среди молодых людей, приносило плоды нежелательные. Это заставило нас много подумать о федосеевском безбрачии и много у нас было об этом толков и споров. Наконец мы решились перейти на сторону брачных бесполовцев, и постановили допускать женатых на совокупное моление» (Прокофий 1883: 1-2).

Сам Павел Прусский писал, что по мере распространения его учения о браке старообрядческая обитель в Польше стала точкой притяжения для многих старообрядцев из России. Перечислив, по его слову, «ревностных мужей», староверских наставников из Каролишек, Перелазов и других мест, Павел пишет:

«Из Литвы они езжали ко мне, в прусскую обитель, погостить, почитать книги, поучиться, – и гостили месяца по три, по полугоду, а иногда по году и два. Они были участниками и свидетелями начавшихся в прусском монастыре рассуждений о том, что федосеевцы неправо учат, возбраняя в мире живущим брачную жизнь, отвергая чувственное, во плоти, пришествие на землю пророков Илии и Еноха, также чувственное бытие последнего антихриста, и отрицая вечное существование новоблагодатного священства и тайн тела и крови Христовы» (Павел 1870: 2).

Благодаря этому свидетельству можно делать вывод, что старообрядцы в Польше были в то время отнюдь не в изолированном положении среди иноверцев. Новаторские идеи Павла были импульсом живого религиозного общения для старообрядцев из разных мест; и сам Павел часто ездил в Россию – в Петербург и другие города.

Необходимо заметить, что проповедь законности брака была связана с другими важнейшими вопросами вероисповедания. Как писал инок Павел,

«[...] названные выше лица, приняв учение о браке, распространяли его между старообрядцами. Это учение много наделало шума в беспоповском мире, особенно по литовскому краю, – наставники со всей Литвы съезжались неоднократно в одно место, делали соборы, и народ с разных мест приходил толпами; не один раз и меня вызывали из Пруссии на эти соборы. Наставники беспоповские всячески старались погасить учение о браках; но оно возрастало по всей Литве и безбрачие подавляло в конец. Вместе с учением о браке, полегоньку распространялось и учение о приходе пророков Илии и Эноха, о вечности новоблагодатного священства и тайн» (Павел 1870: 3).

Записки Прокофия, соратника Павла Прусского, могут послужить фактографическим комментарием к художественным очеркам Лескова – доказательством того, что исследователь старообрядчества и художник шли в Лескове рука об руку.

Так, Прокофий, вспоминая свои первые месяцы на польской земле, выделяет прежде всего те моменты, в которых он выступал против некоторых традиционных представлений о скверне:

«[...] когда приехал в Пруссию в обитель, нашел там одного филипповца, пребывающего в обители за неимением филипповской, отца Елеазара, горячего филипповского ревнителя, с которым у меня была непрестанная борьба о крещении младенцев. Отец Елеазар [...] настаивал: „Как-де можно младенца крестить! Отец и мать – новожены, блудники: будешь потакать их греху”. Я ему отвечивал: „А не будет греха – младенец умрет некрещен?” Отец Елеазар говорил: „А , что-де мне за грех! Грех отцу с матерью, – с них Бог взыщет, почто они не расходятся: пусть разойдутся, мы и окрестим младенца”» (Прокофий 1883: 8).

Наряду с теологическими спорами, записки Прокофия содержат и важный этнографический материал, позволяющий судить об обычаях, распространенных среди староверов разных толков:

«Но такому притязанию – у филипповых не крестить младенца, а у федосеевых не кормить грудью – подлежат одни брачные, как явные по-ихнему блудники и нераскаянные, а родящие девицы, как не имущие при себе явных сожителей, те все такого притязания освобождаются [...]» (Прокофий 1883: 10).

«Федосеевцы же, имеющие жительство в Польше, около Сувалок, и в Ковенской, Виленской и прочих губерниях, довольно намучившись с хворыми младенцами, отымая их от груди, придумали напоследок, чтобы помочь беде, такое средство: когда окрестят младенца, тою же водою, в которой крестили его, тут же в купели, измоет мать сосцы свои и потом уже, без всякой опаски, как очищенными, питает ими младенца» (Прокофий 1883: 11).

Рассмотренный материал позволяет сделать следующие выводы:

Говоря о благодетельной роли трудов Павла – как *Царского пути*, так и *Сборника о браках* – Лесков подчеркивает их заграничное происхождение, что свидетельствует о невозможности открытой проповеди Павла Прусского в российских губерниях.

Старообрядческая заграница предстает у Лескова как область религиозной свободы. Благодаря этому старообрядческое зарубежье – место быстрого вызревания новых религиозных идей в староверии; место, где возможно старообрядческое книгопечатание; место, откуда есть возможность распространять новые идеи о браке (как в устной, так и в печатной форме). Поэтому необходимо признать значительную роль Польши в судьбах российского староверия, прежде всего в решении вопроса о браке.

Очерки Лескова позволяют сделать вывод о распространении книг Павла Прусского не только в столицах, но и в российской провинции.

Новое учение о браке и в интерпретации Павла Прусского, и в интерпретации Лескова – это прежде всего акт сочувствия женщине и ее младенцу (мотивы женской и детской незащищенности проходят у них первым планом).

Публицистика Лескова способствовала известности Павла Прусского и распространению его проповеди уже в совсем иной, светской и образованной, среде: впервые очерк *Инок Павел и его книги* был напечатан в таком популярном издании, как «Библиотека для чтения».

Литература:

- б/п., 1875, *Малоохтинское поморское кладбище*, «Церковно-общественный вестник», 1875, № 69.
- Лесков Н.С., 1996, *Инок Павел и его книги*, [в:] Лесков Н.С., *Полное собрание сочинений в 30 т.*, Москва, т. 3, с. 544-588.
- Лесков Н.С., 1996, *О раскольниках г. Риги, преимущественно в отношении к школам*, [в:] Лесков Н.С., *Полное собрание сочинений в 30 т.*, Москва, т. 3, с. 384-460.
- Мельников Ф.Е., 1999, *Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви*, Барнаул.
- Павел (Леднев), 1870, *Описание моего путешествия к литовским старообрядцам в конце 1869 и в начале 1870 года*, Москва.
- Прокофий, 1883, *Воспоминание*, Москва.